



Владимир Абрамович
Деньги

«Public Domain»

1909

Абрамович В. Я.

Деньги / В. Я. Абрамович — «Public Domain», 1909

«В комнате висела тяжелая, подавляющая тишина. Лампа под зеленым абажуром время от времени начинала играть, тихо, томительно, однообразно. Её музыка, напоминавшая жужжание комара, раздражающе действовала на слух и нервы художника Брагина, путала его мысли и сжимала сердце смутным предчувствием какой-то близкой беды. Когда, после небольшой паузы, лампа снова, чуть ли не в десятый раз, заиграла, Брагин не выдержал, вскочил и нервно зашагал по комнате. Истощенное лицо его конвульсивно дергалось, и руки никак не могли попасть в карманы брюк...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Владимир Яковлевич Абрамович

Деньги

I

В комнате висела тяжелая, подавляющая тишина. Лампа под зеленым абажуром время от времени начинала играть, тихо, томительно, однообразно. Её музыка, напоминавшая жужжание комара, раздражающе действовала на слух и нервы художника Брагина, путала его мысли и сжимала сердце смутным предчувствием какой-то близкой беды.

Когда, после небольшой паузы, лампа снова, чуть ли не в десятый раз, заиграла, Брагин не выдержал, вскочил и нервно зашагал по комнате. Истощенное лицо его конвульсивно дергалось, и руки никак не могли попасть в карманы брюк.

– Я не понимаю, как вы выносите эту проклятую музыку! Она может до иступления довести, чёрт знает, до чего!

Карич с удивлением посмотрел на него, снял очки, потер пальцем переносицу и, надев их снова, посмотрел на него и добродушно улыбнулся.

– Привык, – мягко и спокойно сказал он: – даже люблю. В этом жужжании, знаете ли, есть что-то этакое... мирное, доброе, располагающее к раздумью...

Он помолчал немного, следя из-под очков своими выпуклыми, близорукими глазами за нервно шагавшим из угла в угол Брагиным и, вздохнув, прибавил:

– А это у вас нервы... Вам бы полечиться, Александр Иванович...

Брагин остановился посреди комнаты и посмотрел издали на собеседника недоумевающе-подозрительным взглядом – не смеётся ли он над ним? Но убедившись, что тот говорил совершенно серьезно, он только усмехнулся и безнадежно махнул рукой.

Ему хотелось сказать Каричу что-нибудь злое, едкое, или крикнуть какое-нибудь горькое, болезненное слово, потому что смешно же, в самом деле, говорить о лечении, когда самому нечего есть и жена с ребенком голодают!

Но, как это часто бывает с неврастениками, он почему то сразу успокоился, сгорбился и, подойдя к столу, на краю которого стоял недопитый стакан с чаем, залпом выпил его и с тяжелым вздохом опустил на стул...

Лампа перестала играть, как-будто поняла, что разговор шел о ней. Но Брагин уже забыл о ней, и устало, как будто про себя, заговорил о своих неудачах, тупо уставясь глазами в пол.

– Сегодня опять с утра ходил, ходил, ходил – до изнеможения! Сил нет больше! Жить становится невыносимо, кажется, еще день, два – и придёшь к той мёртвой точке, где единственным выходом является самоубийство... А может быть, уже пришёл к этому...

– Ну, что вы! – испуганно возразил Карич, вскинув глаза и глядя на него поверх очков: – У вас талант, вы – человек с большим будущим... Я глубоко верю в то, что искусство, в конце концов, вознаграждает своих жрецов за все муки и лишения...

– После смерти! Да! – раздраженно сказал художник: – Когда человек подохнет с голоду, тогда, вдруг, вспоминают, что он был талантлив, устраивают ему пышные похороны, ставят дорогой памятник и пишут о нем в газетах... Нет, довольно с меня! К чёрту искусство! Мне нужен кусок хлеба, а не искусство, и я жалею, что раньше был так слеп и глух и напрасно потратил столько времени...

Он встал, прошелся по комнате и, усмехнувшись кривой, жалкой улыбкой, взволнованно продолжал:

– Впрочем, и жалеть то особенно, кажется, нечего, – проговорил он, утомленно, закрывая глаза. – Вот, уже три месяца, как я отрекся от искусства, а положение мое нисколько не улучшилось. И притом, унижения, унижения сколько!

В голосе у него зазвенели слёзы, и, как-будто устыдившись их, он замолчал, остановился у окна и несколько минут смотрел в непроницаемую тьму ночи, нервно передергивая плечами.

Карич сидел глубоко в кресле и грустно смотрел на него, барабанил пальцами по ручкам кресла.

– И то сказать, – успокоившись немного, снова заговорил Брагин, глядя в окно: – нас, ищущих работы – сотни, тысячи, – он повернулся лицом к Каричу: – где взять для всех работу?

Тот пожал плечами и ничего не ответил. Брагин заметил, что в его лице мелькнуло и тотчас же пропало холодное выражение иронии или насмешки. Художнику и раньше нередко приходилось ловить у приятеля на лице это выражение, и тогда ему казалось, что Карич прикрывал маской добродушия и грусти эгоистичность и жестокосердие своей натуры, которая лишь изредка показывала на мгновение свое настоящее лицо. Впрочем, Брагин не был в этом убежден, и объяснял это тем, что Карич носил очки, сквозь которые, иногда, просто не разглядишь выражение глаз...

Художник молча подошел к столу и устало опустился на стул. Плечи его сторбились и его лицо, худое, землистого цвета, с впалыми, лишенными растительности щеками, с висящими книзу усами и редкой клинообразной бородкой – казалось лицом безнадежно больного, обреченного на близкую смерть человека.

– Вам бы следовало запастись рекомендацией какого-нибудь влиятельного лица, – проговорил Карич, протирая платком очки и, блуждая по комнате близорукими глазами: – рекомендация – это всё! Взять хотя бы меня. Особенным образованием и способностями я не отличаюсь, и, наверно, в числе тридцати кандидатов на место в Коммерческом банке были люди, более достойные, чем я, но у меня оказалась самая веская рекомендация...

Брагин, казалось, его не слушал и задумчиво разглядывал свои сапоги, вид которых с каждым днем становился все более плачевным.

– В Коммерческом банке, – проговорил он как бы про себя: – две недели тому назад меня почти приняли. Там у меня есть знакомый бухгалтер, который и просил за меня. На другой день я уже должен был придти на занятия. Вечером, вдруг, получаю письмо. Бухгалтер сообщает, что на моё место принят другой, явившийся с рекомендацией главного акционера этого банка. Хотел я пойти к этому счастливцу, просить его отказаться, да потом раздумал. С какой стати он должен уступить мне место!

– По моему, – сказал Карич: – он должен был отказаться. Ведь, место уже было за вами...

Брагин криво усмехнулся.

– Ну, знаете, в такое благородство я уже не верю. Всего насмотрелся... Мне только досадно, что я сам не запасаюсь рекомендацией того же лица. Через вас мог бы... Ведь, вы, кажется, знакомы с графом Шульгиным?

– У того было письмо от Шульгина? – быстро спросил Карич, круто повернувшись к художнику.

– Да, графа... – Брагин не договорил и остался с открытым ртом, пораженный неожиданной догадкой...

Карич снова ушел глубоко в кресло и, опустив голову, смущённо постукивал пальцами по ручкам кресла. Подняв глаза и встретив удивлённый взгляд художника, он холодно сжал зубы, и в его лице Брагин опять заметил то же выражение иронии или злорадной насмешки. Художник покраснел, хотел что то сказать, но только пошевелил губами и скривил их жалкой улыбкой. Он понял, что место в банке у него перехватил Карич и что объясняться с ним теперь по этому поводу – бесполезно. По холодному, чёрствому выражению лица Карича было ясно видно, что он ни за что не уступит Брагину, отнятое им у него место...

Брагин встал и, пересилив неприязнь, протянул Каричу руку. Тот как-будто не ожидал от него такого великодушия, вскочил и горячо пожал его руку, словно благодарил художника за то, что он не продолжал неприятного разговора.

В эту минуту лампа снова заиграла. Брагин нетерпеливо повел плечами и с неожиданно вырвавшимся раздражением проговорил:

– Выкиньте вы эту проклятую лампу!

Карич деланно засмеялся и, провожая его, с преувеличенной предупредительностью проговорил:

– Непременно, непременно выброшу!

На лестнице Карич нагнал художника и, сунув ему в руку трёхрублевую бумажку, бросился наверх, не дав Брагину времени поблагодарить его...

Художник спустился на третий этаж и позвонил. Ему открыла дверь жена, молодая женщина, с бледным, истощенным, но красивым лицом, глаза которого странно блестели, как будто от вечно заливавших их слёз.

– А я уж беспокоилась, – сказала она усталым голосом: – где ты был?

– У Карича, Наташа...

Он сбросил пальто, шляпу и, пройдя во вторую комнату, молча сел на кровать и стал раздеваться. Молодая женщина поставила свечку на комод и стояла против него, глядя на него выжидательно и грустно. Наконец, она не выдержала и тихо спросила:

– Ты ничего не достал? Завтра хлеба и Котику молока не на что купить...

Брагин вынул из кармана три рубля и молча протянул жене. У неё лицо как будто просветлело.

– У кого взял?

– Карич дал, – неохотно ответил он...

Уже лежа в постели, Наташа, вдруг, проговорила:

– Карич хороший человек... Я всегда думала, что у него доброе сердце...

Брагин ничего не сказал, только усмехнулся и повернулся лицом к стене...

– Сегодня опять приходил дворник... – продолжала тихо молодая женщина: – кричал, грозил выселением...

Брагин притворился спящим и не отзывался. «Придется картину продать», с тоской думал он, «чтобы заплатить за квартиру»...

II

День был серый, ненастный. Брагин шел по улице, втянув голову в поднятые плечи, которые передергивало чувство осенней мягкости и тоскливости. Тяжелый, мокрый туман как будто проникал через пальто и платье и охватывал тело мелкой, холодной дрожью.

Широкая, людная улица имела странный, необычный вид. В густом тумане, как призраки, сновали пешеходы, проезжали извозчики, смутно выделялись громады многоэтажных, многооконных домов, и казалось, что это не настоящие дома, люди, лошади, а только их неясные отражения в каком-то сером, мутном зеркале. Тяжелый туман как будто душил жизнь улицы, окутывая все густой мглой, в которой шум городского движения звучал, словно за стеной, глухо и уныло...

Брагин вошел в первый, попавшийся ему на пути, эстампный¹ магазин и, подойдя к стойке, стал быстро разворачивать свой свёрток. Приказчик – франтоватый, с завитыми усами, паренек, увидев картину, безучастно спросил:

– Продаете? – и тотчас же отвел глаза в сторону, делая вид, что Брагин и его картина нисколько его не интересуют.

– Да, продаю, – смущенно проговорил художник, трепеща при мысли, что его картина может не понравиться и ее не купят.

Приказчик нехотя придвинул к себе полотно, посмотрел с минуту, скептически сжав губы, и понес его к конторке², за которой стоял толстый, краснолицый старик, по-видимому, владелец магазина. Тот надел на нос очки и стал долго, внимательно рассматривать картину.

Это был портрет жены и ребенка Брагина. Лицо молодой женщины и личико трехлетнего мальчика были бледны, истощены, выглядели больными, с лихорадочно блестящими глазами, в глубине которых темнела затаенная печаль жизни, полной нужды, лишений, страданий физических и нравственных. С kloкотанием слёз в груди писал Брагин этот портрет, в котором, против его воли, он выразил скорбь неудавшейся жизни, обреченной на гибель...

Брагин не так трепетал бы за свою картину, выставив её на суд общества, печати и товарищей, как трепетал теперь, боясь, что, в магазине её забракут...

– Сколько? – спросил приказчик, возвращаясь к нему с картиной.

Работая над этой картиной, Брагин мечтал продать ее за двести-триста рублей. Теперь же он нашел возможным попросить за нее только сорок рублей и, сказав свою цену, он тотчас же испугался и торопливо прибавил:

– Могу за тридцать уступить...

– Десять рублей, – сказал приказчик и, не дожидаясь ответа, стал быстро заворачивать картину в бумагу, готовясь вручить ее художнику.

– Дайте хоть двадцать! – с отчаяньем в голосе просил Брагин.

Вместо ответа приказчик протянул ему свёрток. Брагин беспомощно посмотрел по сторонам и махнул рукой, в знак согласия...

Вышел он из магазина с двумя пятирублёвыми золотыми в руке, и у него было такое чувство, словно из его груди вырвали сердце и оплевали его. Он обессилел, и с трудом волочил ноги, которые, казалось, были налиты свинцом. В груди теснило от густого тумана и тоски сжимавшей сердце...

¹ Эстамп (фр. *estampe*, от итал. *stampa*) – произведение графического искусства в виде оттиска на бумаге с использованием печатной матрицы.

² *Конторка* – высокий стол, стойка с наклонной поверхностью, за конторкой обычно работали стоя или сидя на высоком стуле.

Дома Брагина ждала новая неприятность. Он уже второй месяц не платил за квартиру, и управляющий домом подал на него в суд на выселение. На столе в столовой лежала повестка мирового судьи, вызывавшего его через три дня в суд. Жена сидела у стола и беззвучно плакала. Мальчик забился в угол и смотрел оттуда большими, серьёзными глазами...

Брагин, как пришибленный, опустился на стул...

– Нужно пойти к управляющему, – тихо сказала Наташа, – поговорить с ним...

Брагин встал и взволнованно заходил по комнате. Он уже не раз говорил с управляющим и знал, что это совершенно бесполезно. Единственным результатом этих разговоров было только лишнее унижение.

И, однако, промучившись два часа бесплодном придумывании способа для избежания выселения, он решился последовать совету жены и пошёл к управляющему...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.